

Научная статья
УДК 159.9.07
<https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-4-161-171>

ПОЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУЕВЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ СО СМЫСЛОЖИЗНЕННЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ ЛИЧНОСТИ

Инна Михайловна Городецкая¹, Ильдар Равильевич Абитов², Анастасия Николаевна Дорогова³

¹ Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

³ Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

¹ innamgor@mail.ru

² ildar-abitov@yandex.ru

³ dorogova_stasy@mail.ru

Аннотация

Несмотря на усиливающийся интерес исследователей к проблеме суеверности, на данный момент остается много противоречий и вопросов относительно ее природы и сущности, роли в жизнедеятельности и места в структуре личности. Феномен суеверности, не теряющий своей актуальности в современном обществе, рассматривается в гендерном аспекте и во взаимосвязи со смысложизненными ориентациями личности. Эмпирическое исследование феномена суеверности, а также его связи со смысложизненными ориентациями личности в гендерном контексте, проведенное на выборке из 40 человек (20 мужчин и 20 женщин) в возрасте от 18 до 45 лет, не выявило значимых половых различий в выраженности компонентов суеверности и смысложизненных ориентаций, хотя все показатели суеверности у женщин были несколько выше, чем у мужчин. Были, однако, обнаружены различия в структуре взаимосвязей показателей суеверности и смысложизненных ориентаций личности между мужской и женской выборками.

Ключевые слова: *половые различия, суеверность, суеверные представления, смысложизненные ориентации*

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Суеверность как механизм психологической адаптации личности к изменяющимся условиям жизнедеятельности», № 20-013-00644.

Для цитирования: Городецкая И. М., Абитов И. Р., Дорогова А. Н. Половые особенности суеверных представлений и их взаимосвязь со смысложизненными ориентациями личности // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2022. Вып. 4 (44). С. 161–171. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-4-161-171>

Original article

GENDER ASPECTS OF SUPERSTITIOUS BELIEFS AND THEIR CORRELATIONS WITH THE LIFE MEANING ORIENTATIONS OF PERSONALITY

Inna M. Gorodetskaya¹, Il'dar R. Abitov², Anastasiya N. Dorogova³

¹*Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation*

²*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation*

³*Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation*

¹*innamgor@mail.ru*

²*ildar-abitov@yandex.ru*

³*dorogova_stasy@mail.ru*

Abstract

In spite of growing research interest in the scientific problem of superstitiousness nowadays there are still a wide range of contradictions and challenges in this sphere of research: the nature and essence of the concept of superstitiousness, its role in everyday living and its position in the structure of personality. Being a very archaic phenomenon superstitiousness is still relevant in the modern society. This article addresses gender context of superstitiousness and its intercorrelation with individual value orientations that give the meaning of live. The study was carried out in May – July 2021 in Kazan (Russia). The study was conducted on a sample of 40 people (20 men and 20 women) aged 18 to 45 years and showed no significant gender differences in the manifestation of superstitiousness and life-meaning values, although female sample displayed higher superstitiousness indexes. Some interesting differences were found in the structure of correlations between superstition beliefs and life-meaning orientations. The male sample had negative correlation links between pra-logical perception and locus of control. Also, magical forecast, pra-logical defense and integral superstitiousness index was negatively correlated with general awareness. In the female sample group magical anxiety, magical forecast, unconventional healing, pra-logical defense and integral superstitiousness index had negative correlations with the locus of control.

Keywords: *gender, gender differences, superstitiousness, superstitious beliefs, life meaning, orientation*

For citation: Gorodetskaya I. M., Abitov I. R., Dorogova A. N. Gender aspects of superstitious beliefs and their correlations with the life meaning orientations of personality [Polovyye osobennosti suyevernnykh predstavleniy i ikh vzaimosvyaz' so smyslozhnennymi oriyentatsiyami lichnosti]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*, 2022, vol. 4 (44), pp. 161–171. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-4-161-171>

Введение

В современном обществе феномен суеверности все еще является актуальным: часть населения верит в астрологические прогнозы, колдовство, существование сверхъестественных существ, ясно-видение. Особенно суеверное поведение как характеристика иррационального мышления проявляется в кризисные моменты, в ситуациях неопределенности и стресса.

Распространение суеверий среди населения может быть объяснено стремлением людей обрести безопасность, защитить свою личность от негативных переживаний. Суеверия могут реализовывать аффективно-защитную функцию, выполнять функцию психологических защит [1].

Несмотря на то что суеверные представления и суеверное поведение активно изучаются психологами с начала XX в., до сих пор эти исследования достаточно фрагментарны. В частности, требует более глубокого изучения половая специфика проявления суеверности и веры в паранормальное, а также связь суеверных представлений с ценностной сферой личности. Изучение этой проблемы позволит определить, действительно ли суеверность имеет половую специфичность и как данная характеристика связана с динамическими элементами структуры личности.

Таким образом, целью данного исследования было определение половой специфики проявления суеверных представлений и их взаимосвязи со смысложизненными ориентациями личности.

Исследования суеверности за рубежом проводятся на протяжении более ста лет (Conklin, 1919; Gilliland, 1930; Valentine, 1936) и др. В настоящее время это явление изучается фольклористами, педагогами, психологами, психиатрами, антропологами и другими исследователями. Среди современных авторов, изучающих суеверность и суеверия, S. A. Vyse [2], P. Boyer [3], M. Boden [4], H. J. Irwin [5], J. M. Rudski [6] и др. В отечественной психологии проблема суеверности рассматривается Н. Н. Измоденовой [7], Ю. В. Саенко [8], И. Я. Стояновой [9] и др.

В психологии не существует единого взгляда на феномен суеверности и его роль в адаптации личности к миру. С одной стороны, существует много научных данных, подтверждающих связь суеверности с тревожностью, депрессивностью, склонностью к беспокойству, проявлениями обсессивно-компульсивной симптоматики и других патологий [10–13]. С другой стороны, ряд авторов связывают суеверность с проявлениями адаптивного поведения здоровых людей, описывают суеверность и веру в паранормальное как потенциально адаптивные и приносящие психологические выгоды [7, 14–16].

Исследователи суеверности отмечают путаницу в понятиях и определении суеверности (superstition), что вызывает сложности в анализе феномена и его связи с другими психическими явлениями [17, с. 1398].

Исходя из результатов теоретического анализа определений суеверий и суеверности, можно сделать вывод о том, что суеверность является характеристикой мировоззрения человека, которая отражает его особое отношение к реальности и связана с мифологическим мышлением, которое является подчиненным по отношению к научному мышлению [10].

И. Р. Абитов и Р. Р. Акбирова отмечают, что, несмотря на интерес исследователей к феномену суеверности и веры в паранормальное, результаты проводимых исследований противоречивы. Одни авторы указывают на негативную роль суеверности в процессе адаптации человека к новым условиям и при реализации им сложной деятельности, другие, наоборот, отмечают ее адаптивную роль и описывают как ресурс при преодолении трудных жизненных ситуаций [18].

Суеверность, как отмечает И. Р. Абитов, это особое отношение человека к себе и к окружающей действительности, включающее в себя убежденность в существовании сверхъестественных сил, способных влиять на людей, способов сверхъестественного воздействия (колдовство, сглаз, наведение порчи), а также причинно-следственной связи между нейтральными событиями жизни (встреча с черной кошкой, участие в чем-либо под номером 13 и т. д.) и негативными (неудачи, болезни и т. д.) или положительными (выигрыш, удачное стечение обстоятельств) последствиями в будущем, которых можно избежать или увеличить их вероятность, реализуя определенные ритуальные действия. Данная убежденность сопровождается готовностью к выполнению ритуальных действий и соблюдению закрепленных в культуре правил (примет) [18].

Таким образом, суеверия могут выступать как определенные убеждения (верования), а суеверность в таком случае является личностной характеристикой, определяемой данными убеждениями [18].

Суеверность в системе убеждений личности предполагает включение таких компонентов в ценностную структуру, как ценности власти, универсализма и безопасности. Иными словами, суеверные люди стремятся к обретению безопасности путем вступления в социальные контакты. Одновременно с этим суеверные люди характеризуются низкими показателями самоуважения, что позволяет предположить, что они сомневаются в собственных возможностях [19].

Обращение к суевериям позволяет снизить внутреннее напряжение и тем самым поддерживать субъективное благополучие человека [19]. Данный механизм реализуется за счет того, что для человека создается иллюзия контроля, что является таким копинг-механизмом,

который является основной силой и управляет субъективным благополучием человека и его физическим здоровьем [18].

Обобщая результаты теоретического анализа суеверности в системе убеждений личности, мы можем утверждать, что суеверия выполняют различные функции в жизни человека, которые носят как позитивный, так и разрушительный характер.

В связи с тем что в ходе теоретического анализа суеверности нами обнаружены данные о ее связи с личностными характеристиками, было сделано предположение о наличии гендерных особенностей проявления убеждений и суеверий.

Г. В. Бендас приводит противоречивые результаты гендерных исследований эмоциональности. В ряде работ было установлено, что у женщин более выражены тревожность; тесная связь эмоций с межличностными отношениями; чувствительность к негативным событиям в жизни окружающих; большая подверженность депрессиям; склонность говорить чаще о таких негативных эмоциях, как страх и печаль; более яркое переживание положительных эмоций; отсутствие стеснения при демонстрации эмоциональных реакций; более точные передача и декодирование невербальных проявлений эмоций. Мужчины же, напротив, не стремятся проявлять свои эмоции, в особенности негативные; более сдержанны в проявлениях эмоций при общении с друзьями; сталкиваются с более жесткой регламентацией демонстрации эмоциональных переживаний со стороны общества [20].

В то же время автор отмечает, что существуют данные, согласно которым различия в особенностях эмоциональных переживаний мужчин и женщин отсутствуют. Примером может служить переживание профессионального стресса в организациях. Наконец, существуют исследования, согласно которым мужчины более активно переживают такие эмоции, как отвращение, гнев, презрение и, соответственно, более точно декодируют невербальные сигналы, которые служат подтверждением того, что другой человек переживает гнев [20].

На сегодняшний день проведен ряд исследований, имеющих важное значение для данной работы. При исследовании особенностей аргументов, используемых мужчинами и женщинами в повседневной жизни, было установлено, что мужчины более часто опираются на рациональные доводы. В ситуациях, когда мужчины прибегают к субъективным доводам, они руководствуются нежеланием брать на себя ответственность за совершенный выбор. При этом ими используются аргументы в пользу того, что они не влияют на ход событий и вынуждены им подчиняться. Кроме того, мужчины при выборе иррациональных доводов могут руководствоваться желанием удивить окружающих или решить задачи более высокого порядка, чем возможно, в связи с чем обращаются к надежде на высшие силы. Женщины руководствуются иррациональными доводами в связи с их увлеченностью эзотерической литературой и культурой, а также с нежеланием брать на себя ответственность за выбор [21].

Во многом формирование суеверности может быть объяснено контентом в средствах массовой информации. Так, было установлено, что и мужчины и женщины смотрят фильмы и телевизионные передачи, которые содержат информацию о магических событиях в жизни. При этом мужчины более заинтересованы в историях о происхождении магии, о людях, которые обладали магическими способностями, о том, как разоблачают лжемагов. Для женщин же наибольший интерес представляют программы о предсказаниях, о том, как люди сталкивались с магическими явлениями в жизни, о способах защиты от сглаза и порчи. При этом и мужчины и женщины отмечают у себя интерес к необъяснимому и загадочному и заинтересованность в контенте, содержащем данные о магических явлениях [7].

Несмотря на то что 20 % мужчин считают себя суеверными, в то время как в группе женщин к суеверным себя относят 30 %, мужчины в большей степени негативно оценивают суеверия как фактор общественной жизни [22]. Имеются также данные, согласно которым 77 % женщин независимо от вероисповедания являются суеверными, в то время как 24 % мужчин были отнесены к категории суеверных [23].

К наиболее ярким суевериям девушек могут быть отнесены гадания, сонники и гороскопы, к мужским – не сбривать бороду перед экзаменом, «денежные суеверия». В период студенчества суеверия используются для того, чтобы перед экзаменами настроиться на нужную волну успеха, найти наиболее легкий способ сдачи экзаменов [24].

Тем не менее существуют данные, согласно которым не существует гендерных различий в проявлении суеверности. Примером могут служить исследования спортивных суеверий, в результате которых было установлено, что женщины-спортсмены не могут быть охарактеризованы более высоким уровнем тревожности и, как следствие, не более привержены суевериям [25].

Кроме того, существуют данные о том, что 80% людей имеют опыт гаданий независимо от пола. Примечательным также является тот факт, что те, кто обращался к гаданиям, не считают их грехом и одновременно с этим достаточно высоко оценивают собственный уровень суеверности [26].

Таким образом, мы можем утверждать, что суеверность проявляется как в группе мужчин, так и в группе женщин. Данное исследование ставило целью определить специфику проявления данного феномена в женской и мужской выборках, а также изучить его место в системе смысложизненных ориентаций личности.

Эмпирическое исследование проводилось в г. Казани в мае – июне 2021 г. В нем приняли участие 40 человек (20 мужчин и 20 женщин) в возрасте от 18 до 45 лет. Все респонденты отвечали на вопросы индивидуально, независимо друг от друга. Исследование проводилось с использованием сети интернет, все методики были переведены в Google-форму и рассылались испытуемым по электронной почте и в мессенджерах.

В качестве эмпирических методов были использованы «Опросник суеверности» И. Р. Абитова, «Опросник верований и суеверий» И. Я. Стояновой и тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева. Кроме того, было задано два вопроса относительно использования суеверий в жизнедеятельности: «С какой целью Вы чаще всего используете приметы, поверья, ритуалы?» и «Каким приметам Вы придаете большее значение?».

Статистическая обработка данных выполнена с помощью пакета программ для статистической обработки IBM SPSS Statistics 22.

Анализ средних значений выраженности компонентов суеверности по методике Стояновой выявил следующее (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение выраженности компонентов суеверности в группах мужчин и женщин

Показатель	Средние значения		U-критерий Манна – Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Мужчины	Женщины		
Шкала пралогического восприятия (суеверности)	12,1	15,95	139	0,102
Шкала магической тревожности	6,7	9,55	144	0,134
Шкала магического прогноза	10,15	13,3	136	0,086
Шкала использования нетрадиционных способов лечения	12,8	18,45	164	0,341
Шкала активного применения пралогической защиты	7,55	9,55	140	0,108

Как видно из табл. 1, в обеих группах, разделенных по половому признаку, наиболее выраженным компонентом суеверности является использование нетрадиционных методов лечения (18,45 у женщин и 12,8 у мужчин), чуть менее выражен компонент пралогического восприятия (суеверности) (15,95 и 12,1 соответственно), в то время как наименее выражен компонент магической тревожности (9,55 и 6,7 соответственно). Это означает, что и женщины и мужчины готовы

обратиться за помощью по поводу проблем со здоровьем к знахарям, целителям, экстрасенсам, а также верят в наличие незримых, необъяснимых наукой сил, оказывающих негативное либо благоприятное воздействие на людей. Однако опрошенные не склонны считать, что существуют негативные воздействия магической силы, которые наносят ущерб здоровью, психологическому благополучию, приводят к неблагоприятному развитию событий. Табл. 1 наглядно демонстрирует, что средние значения в женской выборке выше, чем в мужской, однако статистически значимых различий в средних значениях компонентов суеверности между группой мужчин и группой женщин обнаружено не было.

Согласно результатам опросника И. Р. Абитова, показатель суеверности у опрошенных мужчин и женщин в пределах средних значений (21,64 у мужчин и 22,4 у женщин при средних значениях в методике 21,5–23 балла).

По уровню выраженности суеверности среди мужчин преобладают средние показатели (60 %), меньшее число мужчин (25 %) имеют высокий уровень суеверности, наименьшее же число мужчин (15 %) имеют уровень суеверности ниже среднего.

Среди женщин также преобладает средний уровень суеверности (75 %), менее выражен низкий уровень суеверности (15 %), а наименее выражен высокий уровень (10 %).

Респонденты также ответили на вопрос мини-опросника, имеющего целью определить особенности использования суеверий в их ежедневной практике. Результаты представлены в табл. 2, 3.

Таблица 2

Распределение ответов мужчин и женщин на вопрос «С какой целью Вы чаще всего используете приметы, поверья, ритуалы?», %

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Чтобы повысить уверенность в себе	20	25
Чтобы поднять настроение	45	25
Чтобы оградить себя от вредных воздействий	10	25
Чтобы повысить успешность в делах	10	10
Что-то еще	15	15

Таблица 3

Распределение ответов мужчин и женщин на вопрос «Каким приметам Вы придаете большее значение?», %

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Предвещающим удачное развитие событий	30	30
Предостерегающим от неблагоприятного развития событий, от неудачи	40	45
Что-то еще	30	25

Наиболее выраженной целью использования примет, поверий и ритуалов среди мужчин является поднятие настроения (45 %), наименее выражены цели оградить себя от вредных воздействий и повысить успешность в делах (10 %).

Среди женщин наиболее выражены три цели использования примет, поверий и ритуалов, а именно: повышение уверенности в себе, поднятие настроения и ограждение себя от вредных воздействий (25 %), а наименее выраженной целью, как и у мужчин, является повышение успешности в делах (10 %).

Исходя из данных, представленных в табл. 3, картина в мужской и женской выборках примерно одинакова: больше всего респонденты придают значения приметам, предостерегающим от неблагоприятного развития событий, от неудачи, менее значимы неопределенные приметы («что-то еще») и приметы, предвещающие удачное развитие событий.

В смысложизненных ориентациях также не было обнаружено статистически значимых различий между мужской и женской выборками. Результаты исследования по тесту смысложизненных ориентаций представлены в табл. 4.

Таблица 4

Сравнение выраженности смысложизненных ориентаций в группах мужчин и женщин

Показатель	Средние значения		U-критерий Манна – Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Мужчины	Женщины		
Цели в жизни	24,35	25,55	190,	0,799
Интерес и эмоциональная насыщенность жизни	25,00	23,65	189,5	0,779
Удовлетворенность самореализацией	21,00	19,15	173,0	0,478
Локус контроля я	18,10	14,10	151,5	0,192
Управляемость жизни	18,85	20,15	179,0	0,583
Общий показатель ОЖ	107,30	102,75	161,0	0,301

Примечание. ОЖ – осмысленность жизни.

Для того чтобы определить, каким образом смысложизненные ориентации взаимосвязаны с показателями суеверности, нами был использован коэффициент корреляции Спирмена.

Таблица 5

Результаты расчета корреляций между показателями смысложизненных ориентаций и показателями суеверности в мужской выборке

Показатель	Цели в жизни	Интерес и эмоциональная насыщенность	Удовлетворенность самореализацией	Локус контроля «я»	Управляемость жизни	ОЖ
Пралогическое восприятие	-0,300	-0,267	-0,080	-0,537*	0,281	-0,510*
Магическая тревожность	-0,217	-0,196	0,083	-0,242	0,099	-0,319
Магический прогноз	-0,312	-0,366	-0,025	-0,209	0,214	-0,456*
Нетрадиционные способы лечения	-0,333	-0,219	-0,159	-0,222	0,217	-0,427
Пралогическая защита	-0,425	-0,395	-0,076	-0,101	0,273	-0,483*
Интегральный показатель	-0,392	-0,321	-0,063	-0,318	0,302	-0,495*

* Взаимосвязи статистически достоверны ($p \leq 0,05$).

В группе мужчин обнаружена статистически значимая обратная взаимосвязь между локусом контроля «я» и пралогическим восприятием ($r = -0,537$; $p \leq 0,05$). Это означает, что чем более важно для мужчины представление о себе как о сильной, самодостаточной и свободной личности, тем менее он склонен придавать высокое значение приметам и суевериям.

Также были обнаружены статистически значимые обратные взаимосвязи между шкалой «Осмысленность жизни» и шкалами «Пралогическое восприятие» ($r = -0,510$; $p \leq 0,05$), «Магический прогноз» ($r = -0,456$; $p \leq 0,05$), «Пралогическая защита» ($r = -0,483$; $p \leq 0,05$) и «Интегральный показатель» ($r = -0,495$; $p \leq 0,05$). Исходя из этого мы можем утверждать, что чем сильнее выражен общий показатель осмысленности жизни у мужчины, тем он менее склонен придавать высокое значение приметам и суевериям, возможностям предсказания будущего, применению примет, верований и ритуалов в повседневной жизни, а также ценить приметы и суеверия как концепцию.

Результаты расчета корреляций между показателями смысложизненных ориентаций
и показателями суеверности в женской выборке

Показатель	Цели в жизни	Интерес и эмоциональная насыщенность	Удовлетворенность самореализацией	Локус контроля я	Управляемость жизни	ОЖ
Пралогическое восприятие	0,213	-0,253	0,060	0,411	-0,313	-0,082
Магическая тревожность	0,059	-0,074	0,093	0,534*	0,064	0,066
Магический прогноз	0,047	-0,173	0,136	0,471*	0,132	0,127
Нетрадиционные способы лечения	0,097	-0,032	0,223	0,519*	-0,137	0,121
Пралогическая защита	-0,080	0,108	0,179	0,490*	0,006	0,228
Интегральный показатель	0,009	-0,095	0,131	0,528*	-0,027	0,082

* Взаимосвязи статистически достоверны ($p \leq 0,05$).

В группе женщин были выявлены статистически достоверные взаимосвязи между локусом контроля я с целым рядом показателей суеверности: магической тревожностью ($r = 0,534$; $p \leq 0,05$), магическим прогнозом ($r = 0,471$; $p \leq 0,05$), нетрадиционными способами лечения ($r = 0,519$; $p \leq 0,05$), пралогической защитой ($r = 0,490$; $p \leq 0,05$), интегральным показателем ($r = 0,528$; $p \leq 0,05$). Это означает, что чем больше женщины верят в негативные воздействия магической силы, которая наносит ущерб здоровью, психологическому благополучию, в предначертанность, изначальную заданность судьбы, обращаются за помощью в отношении здоровья к знахарям, целителям, экстрасенсам, используют приметы, верования, ритуалы в практике повседневной жизни, тем более они склонны представлять себя сильной личностью, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле.

Суеверность является характеристикой мировоззрения человека, которая отражает его особое отношение к реальности и связана с мифологическим мышлением. Эмпирическое исследование половой специфики суеверности и ее связи со смысложизненными ориентациями личности позволило сделать следующие выводы:

1. Хотя в целом в женской выборке все показатели суеверности несколько выше, чем в мужской, данные различия статистически не значимы.

3. Различий между выборками в выраженности смысложизненных ориентаций обнаружено не было.

4. Ряд различий был выявлен в структуре взаимосвязей между смысложизненными ориентациями и компонентами суеверности. Это проявляется в том, что в группе мужчин чем более выражено пралогическое восприятие, тем менее выражен локус контроля я. Кроме того, чем более выражены магический прогноз, пралогическая защита, интегральный показатель суеверности, тем менее выражен общий показатель осмысленности жизни. В женской выборке, чем более выражены магическая тревожность, магический прогноз, нетрадиционные способы лечения, пралогическая защита и интегральный показатель суеверности, тем более выражен локус контроля «я».

Полученные в работе данные могут быть использованы в практике консультационной работы с населением.

Список литературы

1. Кружкова О. В., Радченко С. А., Турыгина Я. С. Суеверно-ритуальная деятельность студентов как форма психологической защиты // Психология сегодня. 2006. № 8. С. 63–66.
2. Vyse S. A. Believing in magic: the psychology of superstition. Oxford: Oxford University Press, 2013. 328 p.

3. Boyer P. *Minds make societies: how cognition explains the world humans create*. Yale University Press, 2020. 376 p.
4. Boden M. Supernatural beliefs: considered adaptive and associated with psychological benefits // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 86. P. 227–231. doi: 10.1016/j.paid.2015.06.023
5. Irwin H. J. Belief in the paranormal: A review of the empirical literature // *The Journal of the American Society for Psychical Research*. 1993. Vol. 87. P. 1–38.
6. Rudski J. M. The illusion of control, superstitious belief, and optimism // *Current Psychology*. 2004. Vol. 22. P. 306–315. doi: 10.1007/s12144-004-1036-8
7. Измоденова Н. Н. Суеверия как способ жизнедеятельности образованных групп населения // *Труды Кольского научного центра РАН*. 2013. № 6 (19). С. 20–35.
8. Саенко Ю. В. Психологические аспекты изучения суеверий // *Вопросы психологии*. 2016. № 6. С. 85–97.
9. Стоянова И. Я. *Психологические образования в норме и патологии: дис. ... д-ра псих. наук*. Томск, 2007. 303 с.
10. Chapman L. J., Chapman J. P. The search for symptoms predictive of schizophrenia // *Schizophrenia Bulletin*. Vol. 13 (3). 497 p.
11. Einstein D. A., Menzies R. G. The presence of magical thinking in obsessive compulsive disorder // *Behaviour Research and Therapy*. Vol. 42 (5). P. 539–549. [https://doi.org/10.1016/S0005-7967\(03\)00160-8](https://doi.org/10.1016/S0005-7967(03)00160-8)
12. Gleeson S., Lattal K. A., Williams K. S. Superstitious conditioning: A replication and extension of Neuringer // *Psychological Record*. 1970. Vol. 39. P. 563–571.
13. Sarason I. G. Stress, anxiety, and cognitive interference: Reaction to tests // *Journal of psychology and Social Psychology*. 1984. Vol. 46. P. 929–938.
14. Treasure D. C., Monson J., Lox C. L. Relationship between self-efficacy, wrestling performance, and effort prior to competition // *The Sport Psychologist*. 1996. Vol. 10. P. 73–83.
15. Whitson J. A., Galinsky A. D. Lacking control increases illusory pattern perception // *Science*. 2008. Vol. 322. P. 115–117.
16. Womack M. *Why athletes need ritual: A study of magic among professional athletes* // *Sport and religion*. Champaign, IL: Human Kinetics, 1992. P. 191–202.
17. Marques N. S., Benvenuti M. F. L. The study of superstition in behavioral sciences: discussing experimental arrangements and theoretical assumptions // *Trends in Psychology*. 2017. Vol. 25, № 3. P. 1397–1409. doi: 10.9788/TP2017
18. Абитов И. Р., Акбирова Р. Р. Разработка опросника суеверности // *Психологические исследования*. 2021. Т. 14, № 75.
19. Андриюшкова Н. П., Яновский М. И. Психологические аспекты обращения к суевериям // *Донецкие чтения: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса*. 2017. С. 5–7.
20. Бендас Т. В. *Гендерная психология: учеб. пособие*. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
21. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15, № 2.
22. Попов В. С. Суеверия в современной социальной среде (на примере Интернета) // *Аналитика культурологии*. 2011. № 20.
23. Тажуризина З. А. Мистификация обыденных отношений в суевериях // *Евразия: духовные традиции народов*. 2012. № 2. С. 193–202.
24. Ульяновченко А. Л. Изучение проблематики суеверий у студенчества и молодежи в работах русских и зарубежных исследователей в XX–XXI вв. // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2013. № 1 (21).
25. Мдивани М. О., Девишвили В. М., Колосова С. А. Психологические особенности суеверного поведения у спортсменов // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология*. 2020. № 1. С. 17–26.
26. Герасимова О. В., Гурьянова Ю. Ю. Суеверие в современном обществе // *Наука и образование: материалы XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых*. Томск, 2009. Т. 20. С. 24.

References

1. Kruzhkova O. V., Radchenko S. A., Turygina Ya. S. *Sueverno-ritual'naya deyatel'nost' studentov kak forma psikhologicheskoy zashchity* [Superstitions and rituals of students as a form of psychological defense]. *Psikhologiya segodnya – Psychology today*. RGPPU, 2006, no. 8, pp. 63–66 (in Russian).
2. Vyse S. A. *Believing in magic: the psychology of superstition*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 328 p.

3. Boyer P. *Minds make societies: how cognition explains the world humans create*. Yale University Press, 2020. 376 p.
4. Boden M. Supernatural beliefs: considered adaptive and associated with psychological benefits. *Personality and Individual Differences*, 2015, vol. 86, pp. 227–231. DOI: 10.1016/j.paid.2015.06.023
5. Irwin H. J. Belief in the paranormal: A review of the empirical literature. *The Journal of the American Society for Psychical Research*, 1993, vol. 87, pp. 1–38.
6. Rudski J. M. The illusion of control, superstitious belief, and optimism. *Current Psychology*, 2004, vol. 22, pp. 306–315. DOI: 10.1007/s12144-004-1036-8
7. Izmodenova N. N. Suyeveryiya kak sposob zhiznedeyatel'nosti obrazovannykh grupp naseleniya [Superstitions as a way of living of educated groups of population]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*, 2013, no. 6 (19), pp. 20–35 (in Russian).
8. Sayenko Yu. V. Psikhologicheskiye aspekty izucheniya suyeveriy [Psychological aspects of studies of superstitions]. *Voprosy psikhologii – Voprosy Psychologii*, 2016, no. 6, pp. 85–97 (in Russian)
9. Stoyanova I. Ya. *Pralogicheskiye obrazovaniya v norme i patologii. Dis. dokt. psikhol. nauk* [Pra-logical formations in the norm and pathology. Dis. doc. psychol. sci.]. Tomsk, 2007. 303 p. (in Russian).
10. Chapman L. J., Chapman J. P. The search for symptoms predictive of schizophrenia. *Schizophrenia Bulletin*, vol. 13 (3), 497 p.
11. Einstein D. A., Menzies R. G. The presence of magical thinking in obsessive compulsive disorder. *Behaviour Research and Therapy*, vol. 42 (5), pp. 539–549. URL: [https://doi.org/10.1016/S0005-7967\(03\)00160-8](https://doi.org/10.1016/S0005-7967(03)00160-8)
12. Gleeson S., Lattal K. A., Williams K. S. Superstitious conditioning: A replication and extension of Neuringer. *Psychological Record*, 1970, vol. 39, pp. 563–571.
13. Sarason I. G. Stress, anxiety, and cognitive interference: Reaction to tests. *Journal of psychology and Social Psychology*, 1984, vol. 46, pp. 929–938.
14. Treasure D. C., Monson J., Lox C. L. Relationship between self-efficacy, wrestling performance, and effort prior to competition. *The Sport Psychologist*, 1966, vol. 10, pp. 73–83.
15. Whitson J. A., Galinsky A. D. Lacking control increases illusory pattern perception. *Science*, 2008, vol. 322, pp. 115–117.
16. Womack M. Why athletes need ritual: A study of magic among professional athletes. *Sport and religion*. Champaign, IL: Human Kinetics, 1992. P. 191–202.
17. Marques N. S., Benvenuti M. F. L. The study of superstition in behavioral sciences: discussing experimental arrangements and theoretical assumptions. *Trends in Psychology*, 2017, vol. 25, no. 3, pp. 1397–1409. DOI: 10.9788/TP2017
18. Abitov I. R., Akbirova R. R. Razrabotka oprosnika suyevernosti [Development of Superstitiousness Inventory]. *Psikhologicheskiye issledovaniya – Psychological Studies*, 2021, part 14, no. 75 (in Russian).
19. Andryushkova N. P., Yanovskiy M. I. Psikhologicheskiye aspekty obrashcheniya k suyeveriyam [Psychological aspects of superstitions]. *Donetskiye chteniya: Russkiy mir kak tsivilizatsionnaya osnova nauchno-obrazovatel'nogo i kul'turnogo razvitiya Donbassa* [Donetsk readings: Russian world as a civilizational basis for the scientific, educational and cultural development of Donbass]. 2017. Pp. 5–7 (in Russian).
20. Bendas T. V. *Gendernaya psikhologiya: uchebnoye posobiye* [Gender psychology: tutorial]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2006. 431 p. (in Russian).
21. Ardashev R. G. Irratsional'nost' obshchestvennogo soznaniya [Irrationality of social consciousness]. *Gumanitarnyy vektor – Humanitarian vector*, 2020, part 15, no. 2 (in Russian).
22. Popov V. S. Sueveryiya v sovremennoy sotsial'noy srede (na primere Interneta) [Superstitious beliefs in the contemporary social environment (internet case)]. *Analitika kul'turologii*, 2011, no. 20 (in Russian).
23. Tazhurizina Z. A. Mistifikatsiya obydenykh otnosheniy v suyeveriyakh [Mystification of routine relationships in superstitions]. *Evraziya: dukhovnyye traditsii narodov*, 2012, no. 2, pp. 193–202 (in Russian)
24. Ul'yanchenko A. L. Izucheniye problematiki suyeveriy u studenchestva i molodezhi v rabotakh russkikh i zarubezhnykh issledovateley v XX–XXI vv. [Superstitions studies of students and youth in the works of Russian and international researchers in the XX–XXI centuries]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2013, no. 1 (21) (in Russian).
25. Mdivani M. O., Devishvili V. M., Kolosova S. A. Psikhologicheskiye osobennosti suyevernogo povedeniya u sportsmenov [Psychological peculiarities in superstitious behavior of sportspeople]. *Vestnik Samarskoy gumani-*

tarnoy akademii. Seriya: Psikhologiya – Samara Humanitarian Academy Bulletin. Series: Psychology, 2020, no. 1, pp. 17–26 (in Russian).

26. Gerasimova O. V., Gur'yanova Yu. Yu. Suyeveriye v sovremennom obshchestve [Superstition in the contemporary society]. *Nauka i obrazovaniye: materialy XIII Vserossiyskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. Tomsk, 2009, part 20, pp. 24 (in Russian).

Информация об авторах

Городецкая И. М., кандидат психологических наук, доцент, магистрант, Казанский национальный исследовательский технологический университет (ул. Карла Маркса, 68, Казань, Россия, 420015).

E-mail: innamgor@mail.ru

Абитов И. Р., кандидат психологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (ул. Кремлевская, 18, Казань, Россия, 420008).

E-mail: ildar-abitov@yandex.ru

Дорогова А. Н., слушатель гуманитарно-психологического факультета Института дополнительного профессионального образования, Казанский национальный исследовательский технологический университет (ул. Карла Маркса, 68, Казань, Россия, 420015).

E-mail: dorogova_stasy@mail.ru

Information about the authors

Gorodetskaya I. M., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, master degree student, Kazan National Research Technological University (ul. Karla Marksa, 68, Kazan, Russian Federation).

E-mail: innamgor@mail.ru

Abitov I. R., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University (ul. Kremlevskaya, 18, Kazan, Russian Federation, 420008).

E-mail: ildar-abitov@yandex.ru

Dorogova A. N., attendee at the Humanitarian-Psychological department of the Institute of Continuous Education; Kazan National Research Technological University (ul. Karla Marksa, 68, Kazan, Russian Federation, 420141).

E-mail: dorogova_stasy@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; принята к публикации 01.07.2022

The article was submitted 19.04.2022; accepted for publication 01.07.2022